

Часы пролетели как секунды. Это был бесконечный разговор, полный смеха и слез радости и печали. Чем дольше они разговаривали и узнавали друг друга, тем меньше ощущали себя чужими. Все начинало казаться нормальным, разговор тек так же легко, как дыхание. Кацуме не ела два дня из-за недопонимания с оперативной группой по допросам, но спустя три тарелки рамэна она наконец насытилась.

Джирайя был по понятным причинам расстроен, когда она рассказала ему историю своего прибытия, сказав, что он поговорит с Ибики позже. Она рассказала ему о Старой Летучей Мышке и о том, как она воспитывала ее как свою собственную, пока она не заболела и вскоре скончалась. Счастливо смеясь, пока она объясняла, какой крутой она была, когда они тренировались, вспоминая мелкие споры, которые возникали, когда Катсуме лениво выполняла техники и все же каким-то образом выполняла задачи, которые она ей давала. Она рассказала о горожанах своей деревни и о том, как все они работали вместе, чтобы обеспечить ей должный уход, одновременно обучая ее тому, как позаботиться о себе.

Он был рад услышать, что все эти люди присматривают за ней, однако он был опечален трудностями, с которыми ей пришлось столкнуться. Ей пришлось повзрослеть и покорить мир самостоятельно в возрасте двенадцати лет. Она была еще ребенком, и это было несправедливо по отношению к ней. Она должна была иметь возможность ходить в школу, играть с друзьями и приходить домой на ужин в окружении любящей семьи. Хотя его держали в неведении, он сожалел, что не смог быть рядом с ней и быть отцом, в котором она нуждалась. Он сделает все, чтобы наверстать упущенное с ней время.

Он также поделился своими историями. Он рассказал ей о своей жизни как шиноби и своей команде. Она была удивлена, узнав, что он был одним из легендарных саннинов, наряду с человеком, который, по словам Ибики, завоевал ее деревню, Орочимару, и ее мать, Цунаде. Они были в назначенной команде с тех пор, как стали генинами, когда им было всего двенадцать лет, а затем стали Легендарными Санинами, когда им было под тридцать. Эта часть разговора переросла в спираль информации об истории Деревни Листа, Второй Великой Войны Ниндзя и сиротах, которых он остался, чтобы обучать ниндзюцу. В конце концов, это привело к тому, что Джирайя объяснил пророчество, в котором предсказывалось, что его ученик принесет либо спасение, либо разрушение миру ниндзя.

Катсуме внимательно слушал, пока Джирайя говорил, широко раскрыв глаза. Он был таким потрясающим рассказчиком. Она чувствовала, что была жительницей деревни, была рядом с ним на поле битвы и видела все своими глазами. Он рассказал ей о книгах, которые написал, и о тех, над которыми сейчас работает. Она настаивала, что хочет их прочитать, но он быстро сменил тему. Решив, что в их отношениях еще слишком рано подвергать ее воздействию его извращенных поступков.

Переведя тему на своего ученика, Наруто Узумаки, он рассказал ей, что был наставником отца мальчика, который позже назначил его крестным отцом Наруто. Это привело к истории джинчурики: демонических духов, помещенных в людей, чтобы не дать им сеять хаос. Она слышала истории о хвостатых зверях, но, услышав об опыте Джирайи с ними, ужас перед ними стал слишком реальным. Эту пилюлю было трудно проглотить, мысль о такой непредсказуемой силе, запечатанной в теле новорожденного ребенка. Она никогда не встречала этого мальчика, но ее сердце болело за Наруто. Она не могла себе представить, какое бремя он, должно быть, чувствовал, когда с ним обращались как с каким-то монстром. Она надеялась встретить

бедного мальчика хотя бы для того, чтобы заключить его в теплые объятия.

Они говорили обо всем на свете; вскоре солнце начало садиться. Они неосознанно разговаривали весь день, придя к Ичираку ранним утром. Хотя на преодоление двадцатипятилетней разницы уйдет больше дня, сегодняшний день стал огромным шагом в правильном направлении. Джирайя ненадолго отошел, чтобы оплатить счет, чтобы они могли вернуться в особняк Хокаге для ужасного разговора с Цунаде. Им обоим нужны были ответы, и они решили, что лучше получить их как можно раньше.

Терпеливо ожидая возвращения отца, она заходит в небольшой магазинчик, где подают рамен, поскольку раньше была слишком отвлечена, чтобы оценить его теплую причудливость. Это было гостеприимно и напомнило ей, как она сидела за обеденным столом и беседовала с мистером Танакой, пока миссис Танака что-то напевала на кухне. Кацуме отошла от своих мыслей легким постукиванием по плечу.

— Мастер Джирайя, у вас есть минутка? — спросил хриплый голос.

Обращая внимание на голос, она пытается подавить смех, увидев шокированное выражение лица мужчины. Он был высоким, с мерцающими серебристыми волосами. Черная маска закрывала нижнюю половину его лица, а повязка шиноби закрывала левый глаз. Он носил униформу Деревни Листа, которую она видела на всех шиноби, с которыми ей до сих пор приходилось сталкиваться в деревне. Его видимые глаза, темные, как оникс, добавляли ему загадочности.

Она слегка посмеивается: «Извини, но я не тот, кого ты ищешь, но у меня есть минутка». Веселое выражение украшает ее черты лица.

Он хрипло смеется, нервно почесывая затылок: «Извини, я... э-э, думал, ты кто-то другой».

Женщина выгибает бровь и озорно ухмыляется: «Ты хочешь сказать, что я похожа на мужчину?»

Он паникует, явно не обращая внимания на ее дразнящие выходки. О боже, он не хотел ее обидеть. — Н-нет! Совсем нет! Я просто имел в виду, что у вас есть... сходства?

Девушка изо всех сил старается сохранять невозмутимое выражение лица, наблюдая за его взволнованным состоянием, но не может долго его сдерживать. Она громко смеется, извиняясь между вдохами.

«Хаа, я просто прикалываюсь над тобой. Расслабься!»

Мужчина, поначалу пораженный ее взрывом смеха, вздыхает с облегчением. Тихо посмеиваясь, она протягивает ему руку для пожатия.

«Я Кацуме. Джирайя должен вернуться в любую секунду». Он протягивает грубую мозолистую руку и нежно пожимает ее руку, представляясь.

«Какаши уходит». Он улыбается.

Она не могла этого видеть, но предположила это по тому, как его глаз закрылся и сморщился в уголке. Несмотря ни на что, это заставило ее покраснеть. Даже не видя его лица, она могла сказать, что он красив. Внезапно ей захотелось пить. Джирайя наблюдал издали, полностью увлеченный происходящим. Прежде чем его дочь заподозрит его отсутствие, он решает заявить о своем присутствии.

«Какаши! Я вижу, ты познакомился с моей дочерью!» — громко говорит он, подходя к ним обоим.

Кацуме, которая насыщала внезапно пересохший рот, резко поперхнулась от этого заявления. Какаши чувствовал себя не лучше. Он был совершенно ошеломлен, быстро переводя взгляд с одного на другого. Джирайя никогда не упоминал ни о каких родственниках, не говоря уже о дочери. Учитывая их поразительное сходство, это имело смысл, но как он мог никому не рассказать? Ну, никто ему не сказал, но обязательно ли это означало, что другие люди не знали?

Он быстро взял себя в руки, взглянув на Кацуме, прежде чем повернуться к пожилому мужчине: «Да... могу я... поговорить с тобой минутку?»

Джирайя смотрит на быстро заходящее солнце. «Поторопитесь. У меня есть срочные дела». Они идут бок о бок, останавливаясь, чтобы поговорить, когда находятся вне пределов слышимости.

Она все еще удивлялась тому, насколько спокойно он относился к тому, чтобы представить ее как свою дочь. Она просто предположила, что он захочет остаться в тени во всей этой ситуации. Учитывая, что Цунаде является Хокаге, это потенциально может разрушить ее карьеру. На самом деле, теперь это имеет смысл. Тем не менее, было приятно услышать, как он сказал, что она его дочь. Слова, исходившие от него, заставили ее сердце трепетать. Началось ощущение, что у нее есть семья. Осталось только услышать, что Цунаде скажет от себя. Даже если бы она извинилась и имела вескую причину оставить ее (маловероятно), она не чувствовала, что сможет ее простить, по крайней мере, в ближайшее время. Это слишком много.

Мужчины быстро возвращаются. Джирайя придерживает занавеску в магазине рамэн, чтобы она могла выйти и присоединиться к ним снаружи.

«Нам пора возвращаться», — говорит он, утратив тот жизнерадостный тон, который был у него всего несколько минут назад, и вес предстоящего разговора начинает тяжело давить на его разум.

Какаши понимающе кивает: «Было приятно познакомиться, госпожа Кацуме». он уважительно кланяется и уходит.

У нее не было возможности сказать то же самое, но она чувствует, что это не последний раз, когда она увидит Какаши Хатаке.

Она поворачивается и идет рядом с Джирайей, когда замечает, что он ухмыляется и многозначительно вскидывает брови.

Она выгибает бровь: «Что?» — спрашивает в замешательстве.

Джирайя мычит: «Ничего... Какаши довольно красивый парень, да? Кажется, вы двое хорошо ладите. Это только ваш первый день, а вы уже привлекли внимание мужчины». он резко падает в обморок.

Кацуме не смог удержаться от смеха над его заявлением. «Я не привлек ничего внимания, и, если ты забыл, я здесь уже два дня. В первый день меня просто пытали».

Она закатывает глаза. Насколько она могла судить, Какаши красив, но их разговор был не более чем забавным недоразумением. Они разговаривали всего секунду. Она не привлекла его внимание... если только... он не сказал что-то Джирайе, когда тот отвел его в сторону. Нет, ему уже нужно было поговорить с ним еще до того, как он встретил ее. Хотя он все равно мог бы ему что-нибудь сказать. Она слишком много об этом думает. Почему? Поиск мужчины никогда не был ее приоритетом, и ее это не волновало. Почему же она все еще думает об этом, спросите вы? Она тоже хотела бы знать. К счастью, голос Джирайи отвлекает ее от противоречивых мыслей.

«Я не забыл. Я считаю, что это твой первый день, когда ты можешь свободно наслаждаться нашей прекрасной деревней. Кроме того, ты избежал моего вопроса». Он ухмыляется. Он уже знал, каким будет ее ответ, но каким отцом он был бы, если бы не опозорил свою дочь?

Щеки Кацуме начинают краснеть от смущения, и она слегка шлепает его по руке. «Откуда мне знать?! Его лицо закрыто!» Она ускоряет темп, желая максимально сократить разговор.

Джирайя восхищается ее надутым лицом, чувствуя боль в груди, видя вспышку Цунаде из их юных лет. Он думал, что она точная копия своей матери. Он мягко улыбается, поднимая руку и игриво взъерошивая ее волосы: «Хорошо, хорошо. Я перестану приставать», — смеется он, — «Но тебе следует познакомиться с ним, если ты решишь остаться здесь, в Листе. Я думаю, он мог бы пригодиться кто-то вроде тебя». Он улыбается ей, заходящее солнце освещает его лицо теплым светом.

Она вопросительно смотрит на него, с более мрачным выражением лица, чем раньше. «Почему бы мне не остаться?»

Их шаг замедляется, поскольку Джирайя обдумывает предстоящий потенциально жестокий разговор. «В этом мире есть ситуации, которые мы не можем контролировать, Кацуме. Независимо от того, как мы решаем на это смотреть, есть вещи, которые мы просто не поймем. Лучше смириться с этим сейчас, - вздыхает он. - Я хочу сказать, что я бы понял, если бы ты после сегодняшнего вечера захотел уйти как можно дальше отсюда.

Он смотрит вперед, приближаясь к особняку Хокаге. Если бы он мог, он бы тоже сбежал, но его обязанности перед деревней и пророчеством важнее его эгоистических желаний. Конечно, это пессимистично, но он не мог себе представить, чтобы этот разговор с Цунаде закончился чем-то иным, кроме горя для них двоих. Он надеялся, что ее действиям есть разумное объяснение. Он надеялся больше всего на что-либо.

Катсуме просто кивнул, она не хотела уходить, но он был прав. В худшем случае она, скорее всего, уберется отсюда к черту, но ей пришлось напомнить себе, что это ее кровь. Она наконец-то нашла что-то, что привязало ее к этой земле, потому что что еще у нее есть? Ее дом? Ее деревня? Начнем с того, что они никогда не принадлежали ей. Горожане, возможно, заботятся о ней, но, в конце концов, им нужно беспокоиться о своих семьях, а не о какой-то маленькой девочке-сироте, которую им жаль. Раньше у нее не было связей, и никто бы ее не пропустил.

Тогда было решено, что во что бы то ни стало, она не будет баллотироваться. Она сделает все, чтобы хотя бы отец был в ее жизни. Если это означало терпеть оправдания и горе от реальности того, что ее мать просто не хотела ее, то пусть будет так. Видеть ее лицо каждый день, занимающуюся своими делами в качестве лидера деревни, как будто ее не существует и ничего не изменилось ни в малейшей степени, на всю оставшуюся жизнь, она будет хранить это знание близко к сердцу. Слушая теплые похвалы жителей деревни, которые ценят и уважают своего Хокаге, она задается вопросом, почему она могла любить и защищать целую деревню, но не своего ребенка. Она построит новую жизнь в деревне своей матери, постоянно напоминая о том, чего у нее никогда не было. Пока у нее есть отец, она будет терпеть постоянное горе на каждом углу, надеясь, что однажды ее мать сможет полюбить ее так, как она того пожелает.

Она выдержит все это.

<http://tl.rulate.ru/book/95482/3240433>